

или иной форме неоднократно повторяется и Пселлом. Ораторское искусство, утверждает писатель, заключается не только в умении сочетать друг с другом слова, но и в том, чтобы изменять речь в соответствии с характером обстоятельств и применяться к лицам. Именно так поступали, продолжает он, Лисий, Демосфен, Лонгин, Приск, Никагор⁹¹. Особой похвалы Пселла заслуживает за это и Симеон Метафраст, приспособляющийся к людям и обстоятельствам (πρός τε τὰ πρόσωπα καὶ τοὺς καιροὺς μεταμορφόσται) ⁹². Причем приспособлять следует не только стиль (λέξις) речи, но и ее смысл (διάλογια)⁹³.

Таким образом, похвальная, с точки зрения писателя, способность человека к приспособлению и видоизменению для хорошего ратора оказывается уже обязательным качеством. Из массы положений позднеантичных риторических теорий, воспринятых Пселлом⁹⁴, именно тезис о «приспособляемости» повторяется с наибольшей настойчивостью и оказывается чуть ли не основным критерием оценки литературного творчества (в энциклопедии Симеону Метафрасту). Умение занять произвольно избранную позицию (а отнюдь не только словесные хитросплетения) и составляет основное содержание понятия риторизма византийской литературы. Такое умение, с точки зрения Пселла, наиболее ценное качество писателя. Приспособляемость самого Пселла столь велика, что по некоторым его произведениям (особенно по письмам и речам) легче судить о характере их адресата, чем автора⁹⁵.

Сказанное выше способно породить определенный скептицизм при оценке возможности из массы противоречивых высказываний вывести какое-то представление о собственном мировоззрении Пселла. Пестрота мнений, однако, лишь затрудняет работу исследователя, заставляет его решительно отказаться от наиболее распространенного и наименее надежного метода — подбора цитат из автора на ту или иную тему⁹⁶.

Прежде всего, нельзя считать равноценными все суждения писателя. Как любое деспотическое государство, Византия обладала идеологией, признание которой (искреннее, полуискреннее, а то и лицемерное) было одинаковой обязанностью каждого подданного.

Существовали в Византии и строго узаконенные нормы поведения, опиравшиеся на писанные и неписанные государственные и религиозные установления. Поэтому для характеристики индивидуального мировоззрения и человеческого облика византийца интересны прежде всего не общепринятые излияния в верности ортодоксально-христианским идеям и этическим нормам, а мысли, так или иначе выходящие за их рамки. В обстановке принудительной унификации мышления и нравственных норм сама позиция светского мыслителя, которую неоднократно занимал Пселл, значит несравненно больше, нежели все заверения в верности господствующим идеям. Поэтому его многочисленные благонамеренные высказывания, отмеченные учеными от П. Безобразова до П. Иоанну, не могут играть роль решающих доказательств.

меняющему мелодию, когда его слушатели пресытились старой (De oper. daem., p. 182).

⁹¹ Scripta minora, II, p. 36.

⁹² Ibid., I, p. 101.

⁹³ Bibl. gr., IV, p. 338.

⁹⁴ См. A. M a y e r. Psellos' Rede über den rhetorischen Charakter des Gregorios von Nazians. — BZ., 20, 1911.

⁹⁵ Так, например, большинство писем, где выражены «эпикурейские» идеалы Пселла, адресованы образованному вельможе, знаменитому интригану и своего рода средневековому bon-vivant'у кесарю Иоанну Дукке (см. о нем: В. L e i b. Jean Doukas, César et moine, son jeu politique à Byzance de 1067 à 1081. — «Analecta Bollandiana», 68, 1950).

⁹⁶ Этот метод, как мы видели, уже приводил разных исследователей к совершенно противоположным выводам.